

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.4

УДК 316 | ББК 60.5

© Саралиева З.Х., Янак А.Л., Рябинская Е.С.

БЕРЕГИТЕ МУЖЧИН!¹ СТРАТЕГИИ СБЕРЕЖЕНИЯ МУЖЧИН В РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ

ЗАРЭТХАН ХАДЖИ-МУРЗАЕВНА САРАЛИЕВА

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: zara@fsn.unn.ru

ORCID: [0000-0002-4825-1584](https://orcid.org/0000-0002-4825-1584); ResearcherID: [ABE-7899-2021](https://orcid.org/ABE-7899-2021)

АЛИНА ЛЕОНИДОВНА ЯНАК

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: alinayanak91@yandex.ru

ORCID: [0000-0001-6823-7125](https://orcid.org/0000-0001-6823-7125); ResearcherID: [NIK-1066-2022](https://orcid.org/NIK-1066-2022)

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА РЯБИНСКАЯ

ООО «Профи исследования»

Москва, Российская Федерация

e-mail: ryabinskaya95@mail.ru

ORCID: [0000-0002-5265-3615](https://orcid.org/0000-0002-5265-3615); ResearcherID: [HII-7880-2022](https://orcid.org/HII-7880-2022)

В контексте происходящих в брачно-семейных отношениях трансформаций и сложившейся в России в связи с проведением специальной военной операции социально-экономической ситуации рассматривается современное состояние субинститутов семьи, актуализируются количественные и качественные изменения, их возможные риски и последствия. Цель исследования – выявление наиболее актуальных вариантов преодоления стресса семьями и стратегий (само)сбережения мужчин в условиях глубоких социально-экономических и социокультурных изменений в жизни страны. Одной из главных задач выступает переосмысление роли мужчин в российской

¹ Аллюзия на: Урланис Б. (1968). Берегите мужчин! // Литературная газета. № 30. URL: <https://lgz.ru/article/-2-6721-22-01-2020/beregite-muzhchin> (дата обращения 12.12.2022).

семье. Теоретико-методологической основой исследования послужила теория семейного стресса (Р. Хилл, П. Босс, Дж. Паттерсон), анализирующая семью как социальную (эко)систему и определяющая ресурсы семьи и ее членов в качестве защитных механизмов, источников минимизации и/или преодоления стресса и, соответственно, ведущих компонентов структуры стратегий выживания семьи. Опираясь на положения данной теории и типологию индивидуальных копинг-стратегий, предложенных С. Фолкман и Р. Лазарусом, авторы представляют факторы и стратегии преодоления кризисных ситуаций российскими семьями: стратегия бегства; стратегия сбережения; стратегия активизации; стратегия смирения. Выделяются их положительные (сплочение и увеличение состава семьи, взаимная поддержка, интенсификация супружеского и межпоколенного диалога, укрепление семейных позиций мужчин) и отрицательные (разъединение, разрушение и сужение семьи, торможение развития вовлеченного отцовства, эгалитарного супружества и родительства, существенное увеличение женской семейной нагрузки) стороны. Сделан вывод об актуализации традиционных статусно-ролевых характеристик и семейных практик мужчины.

Трансформация семьи, специальная военная операция, роль мужчины в семье, семейный стресс, стратегии преодоления влияния стрессоров.

Введение

Роль репертуар мужчин в семье можно считать стандартным и устоявшимся: муж, отец, сын, брат, дедушка, дядя. Однако его практическая реализация является куда более вариативной, зависящей от многих факторов. Трансформация брачно-семейных отношений в наибольшей степени отразилась на моделях и социальных практиках мужского супружества и родительства, их разнообразии, с одной стороны, и ослаблении межсиблинговых и межпоколенных отношений – с другой. Цель исследования заключается в выявлении наиболее актуальных вариантов преодоления стресса семьями и стратегий (само)сбережения мужчин в условиях изменений социально-экономической, социально-политической и социокультурной жизни страны. В качестве сопутствующей рассматривается задача по переосмыслению роли мужчин в семье.

Современные тенденции в сфере семейно-брачных отношений

В последние десятилетия сложился тренд на факультативность брака и родительства в

целом, которая проявляется через распространение практик сожительства и малодетности семьи. Незарегистрированные партнерства фиксируются на уровне 9% от общего числа союзов². По данным опроса студентов нижегородских вузов (n = 1113), проведенного исследовательским коллективом кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 35% молодых людей рассматривают регистрацию брака лишь как желательный, но не безусловный, компонент семьи, а рождение детей для 40,3% вовсе не является обязательным, для того чтобы отношения считались семейными (Саралиева и др., 2022; Янак, 2022).

С 2016 года суммарный коэффициент рождаемости в России ежегодно уменьшается, в 2021 году он составил 1,505 ребенка на одну женщину³. По условным подсчетам демографа А. Ракши, сокращение рождаемости в самом обозримом будущем может составить около 12–15%⁴. Главной проблемой дестабилизации демографической обстановки представляются имеющиеся и потенциальные потери мужского населения.

² Всероссийская перепись населения – 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom2_tab5_VPN-2020.xlsx (дата обращения 10.12.2022).

³ Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Абдульязнов А.Р. [и др.] (2022). Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. Москва: Перспектива. 220 с.

⁴ Демограф Алексей Ракша: «Число родившихся через 1,5 года уменьшится на 12–15%» // Новые известия. URL: [https://newizv.ru/interview/31-10-2022/demograf-aleksey-raksha-chislo-rodivshih-sya-через-1-5-goda-umenshihsya-na-12-15](https://newizv.ru/interview/31-10-2022/demograf-aleksey-raksha-chislo-rodivshih-sya-cherез-1-5-goda-umenshihsya-na-12-15) (дата обращения 13.12.2022).

Согласно данным Росстата, на 1 января 2022 года численность мужчин в стране составила 67,65 млн чел.⁵ При этом на 1000 мужчин приходится 1151 женщина. Превышение численности женщин над численностью мужчин в составе населения отмечается с возраста 36 лет и далее растет. Отмечается, что эта неблагоприятная ситуация связана с высоким уровнем преждевременной смертности мужчин. Численность фертильных мужчин, которыми считаются представители возрастной группы от 20 до 50 лет (Гамидов и др., 2016; Morris et al., 2021), обладающей высокой способностью к зачатию, составляет 29,98 млн чел. (44,3% мужского населения). В связи с текущими обстоятельствами: участие в боевых действиях, (возможная) травматизация и инвалидизация, рост бесплодия среди мужчин (Литвинова и др., 2021), отбывание ими наказания в местах лишения свободы, эмиграция в страны ближнего и дальнего зарубежья – демографический потенциал мужского населения может снизиться в пределах 5%⁶.

Вариативность отцовства (в т. ч. непродуктивного, нарушенного, немотивированного) может быть обусловлена разводом / распадом партнерских отношений в юридически не оформленном союзе с матерью ребенка, наличием сомнений в родстве ребенка/детей, практиками замещающего отцовства (отчимов), сверхзанятостью и сверхдоходностью мужчин, а также ситуациями абсолютной неготовности к родительству, его непринятия, отторжения (Безрукова, Самойлова, 2020; Иванова, 2017; Шевченко, 2021; Fagan, Palkovitz, 2007). Тем не менее, в связи с курсом на ответственное, осознанное родительство, в обществе сформировался запрос на вовлеченное отцовство. Это активно артикулируется «сверху» через конструирование и воспроизводство соответствующих «рекламных» образов в СМИ

(«Фрутоняня» в помощь маме... и папе», «Папа может», «папа – Дед Мороз»), политизацию роли отца: расширение присутствия отцов в приватной сфере (в т. ч. за счет введения и популяризации отцовского отпуска), наделяния их большими родительскими полномочиями (распространение дополнительных мер поддержки для семей с детьми на мужчин-родителей, например, в рамках права распоряжения семейным капиталом), поощрение отцовского активизма (легитимация и содействие в распространении отцовских гражданских объединений, включая Всероссийский Союз отцов, учреждение Дня отца). «Снизу» запрос на отцовское участие подкрепляется стремлением, а где-то постепенным переходом российских семей к солидарному формату организации родительских обязанностей. Он подразумевает симметричный, взаимодополняемый, нередко компромиссный вклад обоих семейных партнеров в уход за детьми и их воспитание в условиях доминирования модели «двух-карьерной семьи» (Майофис, Кукулин, 2010; Рождественская, 2020; Чернова, 2018; Шевченко, 2021; Шпаковская, 2013). Соответственно, ожидается активизация отцов в различных сферах взаимодействия с детьми, в т. ч. обучении, эмоциональной и мотивационной поддержке, разрешении трудных ситуаций, а значит, наращивании педагогической компетентности⁷ (Егорова и др., 2020). Отмечается, что данные образы находят отклик в основном у представителей молодого образованного поколения, проживающих в (крупных) городах.

В условиях нынешних колоссальных социальных, экономических, политических и культурных вызовов российскую семью ждут серьезные испытания на фоне глубоких количественных и качественных трансформаций. В рамках проведения специальной военной операции (далее – СВО)

⁵ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года: стат. бюл. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения 23.11.2022).

⁶ Демограф Алексей Ракша: «Число родившихся через 1,5 года уменьшится на 12–15%» // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/interview/31-10-2022/demograf-aleksey-raksha-chislo-rodivshih-sya-cherez-1-5-goda-umenshitsya-na-12-15> (дата обращения 14.12.2022).

⁷ Вовлеченное отцовство, или что для детей важнее денег? (2019) // Демоскоп Weekly. № 831–832. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0831/opros02.php> (дата обращения 13.12.2022).

значительно повышается роль мужчины в качестве защитника Родины. В современном российском социологическом дискурсе появляются и будут развиваться такие категории, как «семьи мобилизованных», «семьи ветеранов боевых действий СВО», «семьи беженцев», «семьи вынужденных переселенцев», «сироты Донбасса», «вдовы Донбасса», «отцы-герои». СВО пространственно делит присутствие мужчин, задействованных и не задействованных в выполнении боевых задач, проходящих учения и боевое слаживание в пунктах для мобилизованных, на «здесь» (физическая доступность») и «там» (удаленность от дома и семьи), или реальное и номинальное. Вновь актуальной становится модель вынужденно отсутствующего отца, которую, однако, невозможно трактовать ни как родительскую безалаберность, безотцовщину, ни как нерезидентное («маятниковое» пребывание дома ввиду вахтового метода работы или получения образования на другой территории; постразводное продолжение отцовской роли; осуществление отцовства в конкубинатных отношениях) отцовство в классическом понимании.

При дальнейшем формальном сохранении государственной риторики, направленной на милитаризацию мужчин, низовые тренды будут специфицироваться режимом сбережения мужчин-отцов и мужчин-сыновей. Как это может проявиться?

Семейные стрессы и стратегии их преодоления

В контексте теории семейного стресса, разработанной Р. Хиллом (ABC-X) и дополненной моделью семейной адаптации и адаптационного ответа, или устойчивости (жизнестойкости) семьи (FAAR) (Patterson, Garwick, 1994; Rosino, 2016; Гурко, 2022), пандемию COVID-19, а затем СВО, беспрецедентное санкционное и информационное давление на Россию можно квалифицировать как внешние ненормативные, непредвиденные, затяжные, кумулятивные (хронические) стрессоры и колоссальные факторы кризиса российской семьи. Согласно концептуальным положениям теории семей-

ного стресса, такого рода «раздражителем» может стать любое изменение в социальном контексте и континууме, внешних или внутренних нормах семьи. Любая новая ситуация или событие, требующее существенных корректировок семейного поведения и взаимодействия, квалифицируется в качестве потенциальной причины стресса для отдельных членов семьи, внутрисемейного климата или семейной системы в целом (Rosino, 2016).

Экологический, или системный, подход представлен в качестве интегрирующей основы для изучения семей, находящихся в состоянии стресса. Эта перспектива способствует пониманию семей как динамичных систем, всегда находящихся в процессе роста и адаптации, поскольку они со временем должны справиться с изменениями и стрессом (Price et al., 2010). Определение семей дисбаланса (идентификация события как стрессового) обуславливает эффект его воздействия. Если семья позитивно оценивает дисбаланс, она испытывает эустресс; если она воспринимает ситуацию как неблагоприятную – дистресс. Стресс может никогда не стать кризисом, если семья активизирует и использует все возможные ресурсы для сопротивления внешним факторам и стремится к сохранению системы. При первом столкновении со стрессорами используются стратегии преодоления (копинг-стратегии), чтобы противостоять им. Однако ограниченность или отсутствие соответствующих ресурсов, неспособность определить стрессора, сбалансировать вызовы и свои возможности справиться со сложившейся ситуацией без изменения семейной структуры и моделей внутреннего взаимодействия чреваты кризисом и дезорганизацией (Daneshpour, 2017; Rosino, 2016). Кризис наблюдается в семьях, в которых определенные события или изменения повлекли за собой нарушение таких функций, как социализация, репродукция, совместное использование ресурсов и эмоциональная поддержка (Burr, 1982).

П. Босс оперирует понятием «управление стрессом» (стресс-менеджмент), в котором ресурсы определяются как защитные

факторы, источники минимизации и/или преодоления стресса и, соответственно, ведущие компоненты структуры стратегий выживания семьи (Porterfield, 2007, p. 9). Для снижения уязвимости семьи к стрессовому событию или их совокупности, ответа на них (успешной адаптации или разрешения кризисной ситуации) могут использоваться материальные ресурсы; семейные скрепы и коммуникативный ресурс, которые включают взаимную поддержку, сплоченность между членами семьи, семейную (межпоколенную) интеграцию; социальный капитал и поддержку более широкого сообщества, например групп взаимопомощи, состоящих из тех, кто находится в аналогичных обстоятельствах; физические и психологические, духовные и креативные ресурсы, основанные на способности «амортизации» потрясений и установления внутреннего баланса, системе ценностей, убеждений, ориентаций, интеллектуальном и культурном уровнях членов семьи, религиозности и способности помочь, адекватно интерпретировать или переопределить ситуацию, найти наиболее подходящие, нестандартные способы ее преодоления (Саралиева, 2002; Rosino, 2016).

Ресурсы семей, а также уровень владения и распоряжения ими, институциональные условия, причины, характер и сила стресса сильно варьируются в разных семьях, обществах и культурах, поэтому стратегии совладания с трудностями, их снижения и преодоления в семьях могут быть разнообразными. Сложно говорить о наличии универсальных моделей или типологий семейных стратегий. С. Фолкман и Р. Лазарус выделили восемь копинг-механизмов, используемых индивидами: конфронтация (агрессивные действия по изменению ситуации, включая рискованные, не всегда целенаправленные, порой с элементами враждебности); дистанцирование (усилия по абстрагированию от ситуации с целью ее оценки «со стороны», нивелированию эмоциональной вовлеченности в нее и, соответственно, снижения негативных переживаний); самоконтроль (саморегуляция, сдерживание эмоций и поступков с целью минимизации их влияния на оценку ситуации);

поиск социальной поддержки (привлечение внешних, дополнительных ресурсов, в том числе информационных, эмоциональных); принятие ответственности (осознание своей роли в возникновении проблемы, сопутствующее попыткам ее решения); избегание (уклонение от преодоления ситуации путем ее отрицания, принятия желаемого за действительное, использования деструктивных ответных реакций на стресс, например через его «заедание», злоупотребление алкоголем, курением и психотропными веществами); плановое решение проблем (преднамеренные, активные и конструктивные шаги по преодолению трудностей, основанные на аналитическом подходе к этому процессу); положительная переоценка (попытки положительного переосмысления проблемы в контексте стимула для личностного роста) (Folkman et al., 1986, p. 995). П. Босс выделяет также стратегию фатализма, заключающуюся в принятии внешних условий, не зависящих от индивида/семьи, как данности, борьба с которой приведет лишь к усилению стресса, но никак не к его исчезновению (Boss, 1986).

В рамках статьи сфокусируемся на наблюдаемых в настоящее время способах преодоления стресса российскими семьями. Представленная ниже типология семейных стратегий основана на критерии доступности ресурсов семьи, умении и стремлении ими распоряжаться в напряженных условиях. Следует говорить о смешанном характере используемых копинг-стратегий.

1. Стратегия бегства. Не вдаваясь в гражданский и морально-этический аспекты вопроса, миграционный отток граждан-мужчин, потенциально подходящих под условия призыва по частичной мобилизации, можно рассматривать как стратегию самосохранительного поведения и сбережения мужчин. Пока статистика не обладает точными сведениями о реальном количестве уехавших, впрочем, как и о качественных характеристиках их отъезда – это безвозвратная эмиграция или временная релокация, подготовленный или импульсивный (спонтанный), политический, профессиональный или экзистенциальный

(имеющий целью сохранение жизни), одиночный или семейный переезд? В связи с этим оценка конструктивности и эффективности (если проводить аналогию со стратегиями «дистанцирование», «избегание» или, например, «положительная переоценка») данной стратегии сегодня будет преждевременной. Так или иначе, по разным косвенным оценкам миграционная убыль (преимущественно мужского) населения с января по сентябрь 2022 года составила от 36,2 (согласно Росстату) до 500 тыс. чел.⁸ С точки зрения сохранения семейной ячейки совместная эмиграция, безусловно, является более предпочтительной и конструктивной, чем трансграничное разделение семьи и маргинализирующее реформатирование роли мужчины в «нерезидентного», «отсутствующего» мужа и отца. Если это семейная релокация по приглашению работодателя мужчины, вероятно, в разы возрастает его роль единственного кормильца, «центра» принятия решений, авторитета в семье. Однако стоит учесть, что миграция в обоих случаях станет источником новых рисков и стрессов для семьи в целом и для каждого из ее членов (Гурко, 2022, с. 173–176).

2. Стратегия сбережения. Угроза физического разделения семьи или потери мужа/отца/сына, падение реальных доходов и, соответственно, потребительской активности⁹, снижение уровня жизни населения, социальная неопределенность значительно сужают горизонт планирования (хотя именно этот подход к детности был наиболее востребован в последние десятилетия молодыми образованными людьми, вступающими в семейные отношения), заставляют семьи пересмотреть свою повседневность, жизненные сценарии и практики. Очевидно, часть потенциальных родителей отложат рождение первенцев до нормализации социально-экономической обстановки, некоторые из

представителей среднего и старшего фертильного возрастов временно или вовсе откажутся от планов завести второго и/или последующих детей. Тем не менее экономия ресурсов, откладывание важных решений, энергосбережение, впрочем, как и стратегия самоконтроля классификации С. Фолкман и Р. Лазаруса, могут дать неоднозначные результаты. В супружеском взаимодействии ориентацию на вовлечение мужчин в заботу о детях и выполнение домашних обязанностей (мягкого поощрения или навязывания определенных функций) женщины могут заменить на тактику «не напрягать» (просьбами, требованиями), продолжая взваливать на себя все большую ответственность за внутрисемейные процессы, снижая возможности самореализации во внесемейном пространстве и повышая риск эмоционального выгорания. Думая о сыновьях, матери вспомнят слова М. Цветаевой: *«Мальчиков нужно баловать – им, может быть, на войну придется»*. Такой подход почти неизбежно приведет к супружеским и межпоколенным ролевым конфликтам, укреплению ролевой пассивности, а то и семейной деградации мужчин. В условиях сохранения или нарастания тревоги от давления внешних факторов не исключено использование и неконструктивных механизмов подмены реальности (злоупотребление алкоголем, курением).

3. Стратегия активизации. Для некоторых мужчин, остающихся «на местах», семья и дети приобретают сакральное значение. Главный посыл заключается в том, что мужчины нужны семьям, а им – нужна семья как неисчерпаемый ресурс социальной востребованности и заботы. Осознание этой истины находит отражение во всплеске брачности на фоне СВО. По данным Росстата, в период с января по сентябрь 2022 года в России было зарегистрировано 741,4 тыс. браков, в то время как за весь

⁸ Демограф Алексей Ракша: «Число родившихся через 1,5 года уменьшится на 12–15%» // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/interview/31-10-2022/demograf-aleksey-raksha-chislo-rodivshih-sya-cherez-1-5-goda-umenshitsya-na-12-15> (дата обращения 14.12.2022).

⁹ Экономист Зубаревич заявила о «чудовищном» обнищании значительной части населения России. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/11/20/19077859.shtml> (дата обращения 14.12.2022).

2021 год – 717 тыс.¹⁰ Отмечается, что после объявления частичной мобилизации многие пары регистрировали отношения по ускоренной процедуре¹¹. Если отбросить материально-имущественные мотивы (получение, передача и сохранение денежного содержания, выплачиваемого за участие в военных действиях, компенсации в случае гибели), можно говорить об осознании потребности оставить что-то после себя и обеспечить свою семью, которая по каким-то причинам ранее не была оформлена юридически. Среди других направлений активизации можно выделить увеличение состава семьи за счет «спешного» зачатия и рождения третьего/четвертого детей или приема в семью ребенка с инвалидностью; кардинальную смену профессиональной деятельности и/или переход на критически важные производства или должности для получения отсрочки от частичной мобилизации. Данная стратегия предполагает аккумуляцию ресурсов, прежде всего креативного, интеллектуального, социального, человеческого, надевание создавшейся ситуации утилитарным смыслом и свойствами, прагматический подход к жизненному планированию и решению проблем.

Если речь идет о мужчинах, выполняющих боевые задачи, стратегия активизации детерминирует общественную и семейную героизацию мужчин, их всестороннюю поддержку, тыловую гражданскую мобилизацию женщин, в том числе в качестве волонтеров, выполняющих гуманитарную миссию (пошив и отправка одежды и снаряжения для военнослужащих по контракту, добровольцев и мобилизованных, сбор продовольствия, социально-психологическое и социально-правовое сопровождение семей служащих, раненых и погибших бойцов, социально-медицинская работа в военных госпиталях).

Стоит признать, что милитаристская проблематика может послужить возврату и укреплению паттерна гегемонной маску-

линности (Barrett, 1996), а значит, развороту от постепенно развивающейся модели вовлеченного, эгалитарного отцовства, основанной, скорее, на гибкой и заботливой маскулинности, к традиционализации, архаизации роли мужчины в семье.

4. Стратегия смирения. Ее может характеризовать сочетание режимов сбережения и (морального) бегства, или фатализма. Поддержка данной стратегии имеет определенные преимущества: если сохраняется семейная система, ее status quo в плане состава и границ, по сути, нет необходимости предпринимать какие-либо усилия, растрачивать ресурсный и ролевой потенциал; в случае вынужденного разделения с мужем / отцом детей особое значение приобретают межпоколенное и межсиблинговое взаимодействие, включение во внутрисемейные процессы дедушек, братьев (дяди), которые способны компенсировать отсутствие главы семейства, интенсифицируется материальная, социальная и психологическая нагрузка на женщин. Главным основанием для критики стратегии является инертное ожидание изменения ситуации, а значит, ограничение перспектив для развития семьи и личностей внутри нее, демографическая депривация, поскольку характерный для современной семьи процесс нуклеаризации разрушает горизонтальные и вертикальные кровнородственные связи, определяя ролевую несостоятельность мужчины в межсиблинговых и межпоколенных отношениях.

Заключение

С любой точки зрения желательно, чтобы российская семья (с ребенком/детьми) воспринимала внешние риски и раздражители в качестве точек роста: как малая социальная группа, она, вероятно, будет выработать стратегии выживания и адаптации к создавшимся условиям, стремиться к консервации или, напротив, расширению границ, а как социальная система – воспроизводить механизмы упругости и гибкости.

¹⁰ Социально-экономическое положение России (январь – октябрь 2022 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-10-2022.pdf> (дата обращения 14.12.2022).

¹¹ Сколько в России заключили браков в 2022 году // РБК. Новости. URL: <https://www.rbc.ru/society/09/10/2022/634032049a79475d30cca418> (дата обращения 14.12.2022).

Копинг-стратегии будут связаны с ресурсосбережением или, напротив, интенсификацией ресурсности, а механизмы упругости – с защитой границ системы. То есть, если рассматривать позитивный сценарий, нынешние обстоятельства должны послужить поводом для сплочения семей и осознания важности оставаться вместе, сохранять семью, наращивать и транслировать семейную субъектность. При этом важны достижение баланса в ролевых ожиданиях мужчин и женщин, правильная оценка обстоятельств с точки зрения имеющихся у семьи ресурсов, необходимость изменения ролевого наполнения и взаимная бережливость партнеров (мужа и жены / отца и матери).

Однозначно можно говорить о довольно противоречивой диверсификации мужских ролей в семье в свете последних событий и их далеко идущих последствиях в континууме от мужа/отца/сына-героя до «сбежавшего» мужа и отца. Однако особенность сегодняшнего периода заключается скорее не в открытии новых ролевых возможностей, а в актуализации «хорошо забытых старых».

Полученные выводы и предложенные прогнозы могут быть полезными для работников и акторов демографической, семейной и социальной политики, специалистов социальных служб в контексте совершенствования мер поддержки семьи, родительства и детства.

ЛИТЕРАТУРА

- Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2020). Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (157). С. 463–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1680
- Гамидов С.И., Попова А.Ю., Овчинников Р.И., Гаджиев С.Г. (2016). Репродуктивные нарушения у мужчин позднего отцовского возраста // РМЖ. Т. 24. № 8. С. 474–475.
- Гурко Т.А. (2022). Применение понятий теории семейного стресса в зарубежных исследованиях // Социологический журнал. Т. 28. № 3. С. 166–183. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9157
- Егорова Н.Ю., Янак А.Л., Рябинская Е.С. (2020). Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (156). С. 233–251. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.782
- Иванова Е.А. (2017). «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 20. № 5. С. 132–150.
- Литвинова Н.А., Лесников А.И., Толочко Т.А., Шмелев А.А. (2021). Эндогенные и экзогенные факторы, влияющие на мужскую фертильность // Фундаментальная и клиническая медицина. Т. 6. № 2. С. 124–135. DOI: 10.23946/2500-0764-2021-6-2-124-135
- Майофис М., Кукулин И. (2010). Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. Т. 14. № 1–2. С. 6–19.
- Рождественская Е.Ю. (2020). Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (159). С. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676
- Саралиева З.Х. (2002). Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. № 1 (2). С. 192–200.
- Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. (2022). Брак и семья студентов в условиях трансформации // Вестник Южно-Российского гос. технического ун-та (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. Т. 15. № 1. С. 193–208. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-193-208
- Чернова Ж.В. (2018). Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 10. № 15. С. 6–23. DOI: 10.19181/inter.2018.15.1
- Шевченко И.О. (2021). Тенденции и противоречия в развитии института отцовства в современной России // III Всерос. демогр. форум с международным участием: мат-лы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.). Москва: ФНИСЦ РАН. С. 117–120. DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.25
- Шпаковская Л.Л. (2013). Дискурсивные практики родительства: политические вызовы и актуальные проблемы // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. № 1 (21). С. 236–248.

- Янак А.Л. (2022) Немодальный брак и немодальное родительство в контексте семейного потенциала молодежи // *Семья и преемственность поколений: мат-лы Междунар. симпозиума (Иваново – Плес, 30 сентября – 1 октября 2022 г.)*. Иваново: Ивановский гос. ун-т. С. 220–225.
- Barrett F.J. (1996). The organization construction of hegemonic masculinity: The case of the US Navy. *Gender, Work and Organization*, 3 (3), 129–142.
- Boss P. (1986). Farm family displacement and stress. *Increasing Understanding of Public Problems and Policies*. Washington, DC: Farm Foundation, 61–78.
- Burr W. (1982) Families under Stress. In: McCubbin H.L., Cauble A.E., Patterson J.M. (eds.). *Family Stress, Coping, and Social Support*. Springfield, IL: Thomas Books.
- Daneshpour M. (2017). Examining family stress: Theory and research. *Quarterly of Clinical Psychology Studies Allameh Tabataba'i University*, 7 (28), 1–7.
- Fagan J., Palkovitz R. (2007). Unmarried, nonresident fathers' involvement with their infants: A risk and resilience perspective. *Journal of Family Psychology*, 21 (3), 479–489.
- Folkman S., Lazarus R.S., Dunkel-Schetter C., DeLongis A., Gruen R.J. (1986). Dynamics of a stressful encounter: Cognitive appraisal, coping, and encounter outcomes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50 (5), 992–1003. DOI: 10.1037/0022-3514.50.5.992
- Morris G., Mavrelou D., Oda R. [et al.] (2021). Paternal age over 50 years decreases assisted reproductive technology (ART) success: A single UK center retrospective analysis. *Acta Obstet. Gynecol. Scand.*, 100 (10), 1858–1867. Available at: <https://doi.org/10.1111/aogs.14221>
- Patterson J.M., Garwick A.W. (1994). The impact of chronic illness on families: A family systems perspective. *Annals of Behavioral Medicine*, 16 (2), 131–142.
- Porterfield F.K. (2007). *Family coping and adaptation among grandparents rearing grandchildren*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science in Health and Human Development. Montana State University-Bozeman, MT.
- Price S.J., Price C.A., McKenry P.C. (2010). Families coping with change: A conceptual overview. In: Price S.J., Price C.A., McKenry P.C. (eds.). *Families & Change: Coping with Stressful Events and Transitions*, 4th ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 1–23.
- Rosino M. (2016). ABC-X Model of family stress and coping. In: Sheban C.L., Duncan M.L. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies*. New Jersey: John Wiley & Sons. DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs313

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна Саралиева – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, пер. Университетский, д. 7; e-mail: zara@fsn.unn.ru)

Алина Леонидовна Янак – кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, пер. Университетский, д. 7; e-mail: alinayanak91@yandex.ru)

Елена Сергеевна Рябинская – ассистент аналитика, ООО «Профи исследования» (Российская Федерация, 119261, г. Москва, пр-т Ленинский, д. 72/2; e-mail: ryabinskaya95@mail.ru)

Saraliev Z.Kh., Yanak A.L., Ryabinskaya E.S.

SAVE THE MEN! STRATEGIES FOR SAVING MEN IN RUSSIAN FAMILIES

In the context of ongoing transformations in marriage and family relations and the socio-economic situation in Russia due to the special military operation the modern state of family sub-institutions is considered, quantitative and qualitative changes are actualized, their possible risks and consequences are actualized. The purpose of the study is to identify the most relevant options

for families to overcome stress and strategies of (self)saving men in the conditions of profound socio-economic and socio-cultural changes in the life of the country. One of the main tasks is to rethink the role of men in the Russian family. The theoretical and methodological basis of the study was the theory of family stress (R. Hill, P. Boss, J. Patterson), analyzing the family as a social (eco) system and defining the resources of the family and its members as protective mechanisms, sources of minimizing and/or overcoming stress and, accordingly, leading components of the structure of family survival strategies. Based on this theory and the typology of individual coping strategies proposed by S. Folkman and R. Lazarus, the authors present factors and strategies for overcoming crisis situations by Russian families: escape strategy; saving strategy; activation strategy; humility strategy. Their positive (cohesion and increase of the family composition, mutual support, intensification of marital and intergenerational dialogue, strengthening of men's family positions) and negative (separation, destruction and narrowing of the family, inhibition of development of involved fatherhood, egalitarian marriage and parenting, significant increase in women's family burden) sides are distinguished. The conclusion about the actualization of traditional status-role characteristics and family practices of men is made.

Transformation of the family, special military operation, the role of the man in the family, family stress, strategies for overcoming the effects of stressors.

REFERENCES

- Barrett F.J. (1996). The organization construction of hegemonic masculinity: The case of the US Navy. *Gender, Work and Organization*, 3(3), 129–142 (in Russian).
- Bezrukova O.N., Samoilova V.A. (2020). Maternal gatekeeping in Russia: Young fathers about mothers and the barriers to access children after divorce. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3(157), 463–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1680 (in Russian).
- Boss P. (1986). Farm family displacement and stress. In: *Increasing Understanding of Public Problems and Policies*. Washington, DC: Farm Foundation.
- Burr W. (1982) Families under stress. In: McCubbin H.L., Cauble A.E., Patterson J.M. (Eds.). *Family Stress, Coping, and Social Support*. Springfield, IL: Thomas Books.
- Chernova Zh.V. (2018). Representation of fatherhood: Blogs' sociological analysis. *Interaktsiya. Interv'yū. Interpretatsiya=Interaction. Interview. Interpretation*, 10(15), 6–23. DOI: 10.19181/inter.2018.15.1 (in Russian).
- Daneshpour M. (2017). Examining family stress: Theory and research. *Quarterly of Clinical Psychology Studies Allameh Tabataba'i University*, 7(28), 1–7.
- Egorova N.Yu., Yanak A.L., Ryabinskaya E.S. (2020). Parental roles in the modern Russian family: The male boundaries. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2(156), 233–251. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.782 (in Russian).
- Fagan J., Palkovitz R. (2007). Unmarried, nonresident fathers' involvement with their infants: A risk and resilience perspective. *Journal of Family Psychology*, 21(3), 479–489.
- Folkman S., Lazarus R.S., Dunkel-Schetter C., DeLongis A., Gruen R.J. (1986). Dynamics of a stressful encounter: Cognitive appraisal, coping, and encounter outcomes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50(5), 992–1003. DOI: 10.1037/0022-3514.50.5.992
- Gamidov S.I., Popova A.Yu., Ovchinnikov R.I., Gadzhiev S.G. (2016). Reproductive disorders in men of late paternal age. *RMJ*, 24(8), 474–475 (in Russian).
- Gurko T.A. (2022). The application of ideas of family stress theory in foreign research. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 28(3), 166–183. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9157 (in Russian).
- Ivanova E.A. (2017). "I don't consider myself a good dad, at best, an average one": How Russian men construct the image of a "good father" after divorce. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 20(5), 132–150 (in Russian).

- Litvinova N.A., Lesnikov A.I., Tolochko T.A., Shmelev A.A. (2021). Factors affecting male fertility: A review. *Fundamental'naya i klinicheskaya meditsina=Fundamental and Clinical Medicine*, 6(2), 124–135. DOI: 10.23946/2500-0764-2021-6-2-124-135 (in Russian).
- Maiofis M., Kukulini I. (2010). New parenthood and its political aspects. *Pro et Contra*, 14(1-2), 6–19 (in Russian).
- Morris G., Mavrelou D., Odiya R. et al. (2021). Paternal age over 50 years decreases assisted reproductive technology (ART) success: A single UK center retrospective analysis. *Acta Obstet. Gynecol. Scand.*, 100(10), 1858–1867. Available at: <https://doi.org/10.1111/aogs.14221>
- Patterson J.M., Garwick A.W. (1994). The impact of chronic illness on families: A family systems perspective. *Annals of Behavioral Medicine*, 16 (2), 131–142.
- Porterfield F.K. (2007). *Family Coping and Adaptation among Grandparents Rearing Grandchildren*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science in Health and Human Development. Montana State University-Bozeman, MT.
- Price S.J., Price C.A., McKenry P.C. (2010). Families coping with change: A conceptual overview. In: Price S.J., Price C.A., McKenry P.C. (Eds.). *Families & Change: Coping with Stressful Events and Transitions*, 4th ed. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Rosino M. (2016). ABC-X Model of family stress and coping. In: Sheban C.L., Duncan M.L. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies*. New Jersey: John Wiley & Sons. DOI: 10.1002/9781119085621.wbef313
- Rozhdestvenskaya E.Yu. (2020). Involved fatherhood, caring masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5(159), 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676 (in Russian).
- Saraliev Z.Kh. (2002). Socio-psychological subjectivity and family competence. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nye nauki=Bulletin of the SRSTU (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 1(2), 192–200 (in Russian).
- Saraliev Z.Kh., Egorova N.Yu., Ryabinskaya E.S. (2022). Marriage and family of students during transformation. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gos. tekhnicheskogo un-ta (NPI). Ser.: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki=Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(1), 193–208. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-193-208 (in Russian).
- Shevchenko I.O. (2021). Trends and contradictions in the development of fatherhood institution in modern Russia. In: *III Vseros. demogr. forum s mezhdunarodnym uchastiem: mat-ly foruma (Moskva, 3–4 dekabrja 2021 g.) [III All-Russian Demographic Forum with International Participation: Proceedings of the Forum (Moscow, December 3-4, 2021)]*. Moscow: FCTAS RAS. DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.25 (in Russian).
- Shpakovskaya L.L. (2013). Discursive practices of parenthood: Political challenges and actual agenda. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya=Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 1(21), 236–248 (in Russian).
- Yanak A.L. (2022). Unconventional marriage and unconventional parenting styles in the context of family capacity-building among youth. In: *Sem'ya i preemstvennost' pokolenii: mat-ly Mezhdunar. simpoziuma (Ivanovo – Ples, 30 sentyabrja – 1 oktyabrja 2022 g.) [Family and Continuity of Generations: Proceedings of the International Symposium (Ivanovo-Plyos, September 30 – 1 2022)]*. Ivanovo: Ivanovskii gos. un-t., 220–225 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zaretkhan Kh. Saraliev – Doctor of Sciences (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (7, Universitetskii Lane, Nizhny Novgorod, 603000 Russian Federation; e-mail: zara@fsn.unn.ru)

Alina L. Yanak – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (7, Universitetskii Lane, Nizhny Novgorod, 603000 Russian Federation; e-mail: alinayanak91@yandex.ru)

Elena S. Ryabinskaya – analyst assistant, LLC “Profi issledovaniya” (72/2, Leninskii Avenue, Moscow, 119261, Russian Federation; e-mail: ryabinskaya95@mail.ru)